

Автор: Лелик А.

В далеком 2003 году компьютер был не в каждом доме. В моем доме не было, а потому работы делались в компьютерных классах университета. Закончив многострадальную курсовую по французской литературе, кликаю «сохранить», переношу на дискету, отправляюсь домой. Пробудившись утром, вижу ужасное зрелище: моя полторагодовалая дочь полощет дискету в горшке, к которому она наконец приучилась.

Прошло более десяти лет, я научилась тщательно сохранять нужную информацию, но...

2015 год, статья о волнующем меня Сартре дописана, не хватает пары запятых. Звонок в дверь, двадцать минут разговора с соседкой. Вернувшись к ноутбуку, вижу, что он самостоятельно (пользуясь терминологией Сартра — «по собственному свободному выбору») ушел на перезагрузку, оставив мне пустой файл под названием «Сартр!». Вся гамма чувств и переживаний в конечном итоге сменилась сартровским «все бессмысленно», «нет такой истории, которая закончилась бы хорошо». Что ж, значит все происходит сообразно логике того, о ком пишу.

Встреча с Сартром

— Иван Палыч Сартр — мой любимый писатель, — сказал мой одноклассник Саша. У нас, филологов французского языка, свои шутки. Любили мы панибратски говорить о гениях, адаптируя их «под себя». Жан — французский вариант имени Иван, Поль — Павел. Так и прозвали мы Сартра Иван Палычем. Мне Сартр был неинтересен, и даже неприятен. Во-первых, чего стоят названия его книг: «Тошнота», «Мухи», «Стена», «Грязные руки», «За закрытыми дверями». Во-вторых, внешность. Чего ждешь от француза? Безупречной внешности, французского шарма и обаяния. Портреты Сартра не оправдывают ни одно из этих ожиданий.

Тогда Встречи с Сартром — в ее экзистенциальном понимании — так и не произошло. Когда же я получила образование психолога, выбрав для себя экзистенциальный подход в психотерапии, фамилию его я стала встречать все чаще и поняла, что от него не скрыться. Ведь само слово экзистенциализм ассоциировалось именно с фигурой философа-писателя Сартра. Его современник, известный философ М. Хайдеггер (труды которого изрядно повлияли на Сартра), говорил, что Сартр скорее писатель, чем философ, а В. Набоков считал его философом, а не писателем. В результате сошлись на том, что стали называть его мыслителем. Психологи сегодня присваивают Сартра себе, и это справедливо — Сартр очень психологичен, и сам он этого не отрицал, хотя труды его под силу далеко не каждому: слишком нечитабельны его философские тексты. Сартр стал популярен еще при жизни. Кафе на площади Сен Жармен де Пре в Париже, где встречались экзистенциалисты, до сих пор остаются культовыми достопримечательностями. Экзистенциальные кафе с неизменно черным потолком: это позволяет глубже погрузиться в тошноту, одиночество, абсурдность, пустоту бытия... В «Двух мага» и «Кафе де Флор» время словно остановилось — кажется, что вот-вот войдут Альбер Камю, Симона де Бовуар, Морис Мерло-Понти, Жак Лакан, Жан-Поль Сартр...

Думаю, что труды любого писателя и философа — лишь мертвые рассуждения, если они не пережиты им лично, не стали его плотью и кровью. Прикасаясь к творчеству любого автора, необходимо знать не только о нем, но и его самого, его отношения с другими, поступки, характер. Я начинаю свой путь к нему, к тому, кого суеверно побаиваюсь. Мои открытия идей Сартра происходили через узнавание его жизни, а также благодаря людям, которые обращались ко мне за психологической помощью.

Напротив меня мужчина, он повествует о трудностях своей жизни; подытоживая свой монолог, произносит: «Я разочарован. Никто никого никогда не поймет правильно. Другие люди — это ад. И я тоже сам себе ад». «Ад — это другие» — говорит один из героев произведений Сартра.

«Иногда в моей душе так пусто и черно, что становится невыносимо. Чтобы уйти от этой пустоты, я начинаю заниматься чем угодно, делаю все, на что хватает сил, но в итоге пустота становится только больше и чернее, а в какой-то момент накрывает меня с головой, и я уже не понимаю — есть ли я?» — так начинает нашу встречу другая моя клиентка. «У каждого человека в душе дыра размером с Бога, и каждый ее заполняет, как может», — говорит атеист Сартр, намекая на бесконечность этой самой дыры и говоря о том, что заполнить ее возможно только таким же бесконечным Богом — если тебе повезло и ты в Него веришь.

«Мне страшно от того, что я могу перестать себя контролировать. Иногда я думаю: а вдруг я причиню себе вред — или даже убью себя. Неужели я сошла с ума?» — это вопрос еще одной клиентки. Я молчу, понимаю, что с ума она не сошла, и Сартр полвека назад обреченно сказал, что «человек — это абсолютная свобода», и если человек захочет отказаться от собственной жизни, никто не в силах ему помешать, он абсолютно свободен в этом.

Люди двадцать первого века испытывают те же самые чувства, что испытывал сам и сумел описать философ-писатель Сартр. Его идеи свободы, выбора, пустоты, самообмана — достойны рассмотрения. Но все они будут лишь красивой теорией, если не всматриваться в жизненный путь мыслителя и не видеть почву, на которой они зарождались.

Ни с тобой, ни без тебя□

1929 год. Сартр знакомится с Симоной де Бовуар, одной из самых ярких женщин прошлого столетия. Можно бесконечно поэтизировать их отношения, как это делала французская молодежь 60-х, считая именно Сартра с Симоной символом свободной любви. А можно всмотреться в их отношения — и разглядеть то, что скрыто за столь заманчивой перспективой «свободы от условностей».

Симона полюбила человека, который сам о себе напишет: «Я сделался предателем и им остался. Тщетно я вкладываю всего себя во все, что затеваю, целиком отдаюсь работе, гневу, дружбе — через минуту я отрекись от себя, мне это известно, я хочу этого и радостно предвосхищаю измену, уже предаю себя в самый разгар увлечения».

Симона тоже не была создана для тихой семейной жизни. Именно она станет символом феминизма, но это будет позже, а в 1929 году она известна как девушка, которой нет равных в эрудиции, силе и свободе мысли, умении дискутировать и выигрывать споры, оставляя оппонентов далеко позади. Об умственных способностях 21-летней Симоны ходят легенды, но при этом она остается недоступна для мужчин. Симона — воплощение французской женственности, красоты и вкуса. Что могло привлечь ее в двадцатипятилетнем Сартре, который уже в молодости был некрасив: невысокого роста, с брюшком, с очевидным дефектом глаз? Конечно же, ум молодого Жан-Поля — два гениальнейших ума столетия нашли друг друга. Два года Симона и Жан-Поль наслаждаются друг другом, и кто знает, узнал бы мир манифест феминисток — по сей день издаваемый десятками тысяч экземпляров «Второй пол», предложи Сартр своей любимой вступить с ним в брак. И вот здесь передо мной впервые встает вопрос: была ли счастлива Симона, был ли счастлив Жан-Поль?

Вместо замужества Сартр предлагает Симоне заключить «Манифест любви»: договор, по которому они обязуются никогда не иметь совместного имущества, детей, законных отношений. Они ездят в совместные поездки, но всегда берут номера на разных этажах гостиницы. Манифест предполагает наличие связей на стороне и абсолютную свободу, «свободу от»: обязательств, объяснений, упреков, притязаний, отношений. В то же самое время «манифест» гарантировал обоим абсолютную, стопроцентную искренность. Т.е. каждый из них должен быть честным и открытым во всех своих движениях души, мыслях, помыслах, касается ли это творчества, интрижек на стороне или чувств друг к другу или к другим. Каждый имеет право влюбиться, уехать с новым объектом страсти на край света, но должен непременно вернуться обратно ровно в оговоренный день и час. Пара, связанная детьми и домом, может иметь гораздо больше свободы, нежели эти двое, скованные обещанием стопроцентной душевной наготы. Выглядит так, будто им обоим это нравится: весь мир рукоплещет им и тому, что они декларируют как свободные отношения. И снова рефреном: была ли счастлива Симона, был ли счастлив Жан-Поль? Сартр во всех работах пишет лишь об «одиночном героизме», отрицая любую форму отношений, но Симона — как философ и писатель — расходится с ним в этой ключевой точке; она утверждает, что самая близкая из всех возможных форм отношений — это «сотрудничество двух любящих людей». Но, видимо, не желая произвести раскол внутри их философского учения, она не противоречит Сартру. Симона со временем привыкает к романам Жан-Поля и сама периодически начинает заводить связи «на стороне», однажды чуть даже не выйдя замуж за американца Нельсона Олгрена (после продолжительных отношений она отказала Нельсону, чтобы остаться «по-своему верной» Сартру). Сартр встречает русскую эмигрантку Ольгу Казакевич и всерьез влюбляется в нее. Симона, которую философ всегда называл своей «сутью», увидев, что Ольга — это не мимолетная интрижка, а человек, играющий большую роль в жизни ее возлюбленного, пожинает первые плоды «манифеста». Именно тогда она пишет

книгу под названием «Она пришла, чтобы остаться» о трагическом любовном треугольнике. Ольга вошла в жизнь этой пары, навсегда став членом «семьи» Сартра и Бовуар. Но «верные» своему манифесту, они и дальше продолжают держать друг друга в курсе своих чувств и переживаний, доказывая всему миру и самим себе радость свободных, не связывающих отношений. Книга Симоны «Второй пол», которая начинается известными словами: «Никто не рождается, пока не появится женщина», выходит из-под ее пера в период, когда ей приходится делить не только тело своего возлюбленного, но теперь уже и его душу, творчество, планы на будущее с другими женщинами.

Их друг, экзистенциалист Альбер Камю, считал, что в основе бытия лежит абсурд. Свободные отношения Сартра и Бовуар были доведены до абсурда в попытке каждого отстаивать свою свободу, доказать что-то. В шестьдесят лет Сартр влюбляется в Арлетту, юную еврейку из Алжира. Влюбляется настолько, что впервые всерьез оттесняет Симону из своей жизни, делая Арлетту своим личным секретарем. Симона чувствует опасность для их отношений, Жан-Поль больше не делится с ней своими мыслями, идеями, переживаниями. Но она бессильна — на ее глазах Сартр становится все ближе к сопернице, все более зависит от нее. Чтобы спасти юную алжирку от депортации из Франции, Сартр удочеряет Арлетту, нарушив заключенные сорок лет назад с Симоней соглашения: не иметь законных отношений, не иметь детей. Все творческое наследие Сартра, где ни одна буква не была написана без обсуждения с Симоней, на глазах у де Бовуар переходит к разлучнице. Именно в это время Симона напишет: «Я пересекла много линий в жизни, казавшихся мне размытыми, но линия, очерчивающая старость — жесткая, как металл. Тайный, далекий мир внезапно надвинулся на меня, и нет пути назад». В отместку за поступок Сартра Симона удочеряет свою лучшую ученицу и подругу Сильви ле Бон. Именно она, наследница творчества философини, опубликует после смерти Симоны ее письма, которые буквально взорвут весь мир — феминистка оказалась обычной слабой женщиной: «Я буду умницей, вымою посуду, подмету пол, куплю яйца и печенье, я не дотронусь до твоих волос, щек, плеч, если ты мне не позволишь», — писала Симона. Читая эти строки, содрогаешься от мысли, что пьеса была сыграна, мир поверил — но была ли счастлива Симона, был ли счастлив Жан-Поль, этого ли они оба хотели?

Именно Симона посоветовала Сартру добавить в роман «Тошнота» главы про встречу

Антуана со своей возлюбленной. Сартр признается, что Антуан — это он сам, и роман посвящает Симоне. Антуан становится голосом Сартра, и нам открывается вся тяжесть и напряжение их отношений с Симоной:

— Я рад тебя видеть, — жалким тоном говорю вдруг я. Последнее слово застревает у меня в горле. Если ничего умнее я придумать не мог, лучше было вообще не открывать рта. Сейчас она рассердится. Вообще-то я предполагал, что первые четверть часа будут мучительными. И прежде, когда я встречался с Анни после перерыва, пусть мы не виделись всего сутки, пусть это было наутро после сна, я никогда не умел найти слов, каких она ждала, какие подходили к ее платью, к погоде, к последним фразам, которыми мы обменялись накануне. Чего же она хочет сейчас? Я не могу угадать. <...>

— Я тебе необходим? Я был тебе необходим все четыре года, что мы не виделись? Хорошо же ты скрывала свои чувства.

Я говорю это с улыбкой, иначе она подумает, что я на нее в обиде. Но я чувствую, что улыбка получилась насквозь фальшивая. Мне не по себе. <...>

Итак, вот они опять, наши классические препирательства, которые в былые дни мне приходилось поддерживать, испытывая в душе простые, пошлые желания: сказать ей, что я ее люблю, стиснуть ее в объятиях. Сегодня у меня никаких желаний нет. Разве что помолчать, посмотреть на нее и в молчании ощутить все значение невероятного события

— передо мной Анни. А для нее — неужели для нее этот день похож на все другие? Ее руки не дрожат».

Их можно было бы поздравить с золотой свадьбой, но они отказались от всех возможных социальных институтов. Символично, что на похоронах мыслителя присутствовало около пятьдесят тысяч человек, но Симона никак не могла пробраться к гробу своего возлюбленного — толпа то и дело оттесняла престарелую даму. Только спустя несколько дней она сможет оплакать потерю на его могиле на кладбище Монпарнас.

Интересно также и то, что окна квартиры, в которой доживала писательница, выходили на могилу ее спутника жизни — и каждый день она продолжала быть несвободна, как и прежде. Симона умерла в одиночестве; медсестры в больнице отказывались верить, что эта заброшенная женщина — некогда известная Симона де Бовуар.

Свободный человек не вынужден никому ничего доказывать. Граф Монте-Кристо, роя подземный ход, жаждал свободы и был уверен, что находится в шаге от нее, но оказался в другой камере. Свобода Симоны и Сартра — это свобода узников, которые, надеялись на освобождение, но ошиблись в темноте и очутились в затхлой камере смертников.

Самообман □

«...Мой самообман — это и мой характер; от невроза можно избавиться, от себя не выздоровеешь», — говорит о себе Сартр. Уместно вспомнить случай непреднамеренного самообмана, описанный философом. Сартр предлагает нам представить себе молодую женщину, сидящую во французском кафе. Напротив нее — мужчина, который пригласил ее сюда, предложив выпить, и последние двадцать минут он ей что-то весьма оживленно рассказывает. Женщина не уверена в своих чувствах к мужчине, но она заинтересована, ей лестно, что ей оказывают знаки внимания. Одна ее рука остается на столе, рядом с пустой чашкой кофе, другая лежит на коленях. Внезапно рука мужчины устремляется вниз к ее руке, и это шокирует ее и возвращает к реальности. Сейчас ей нужно принять решение и ответить. Но! «Оставить руку в прежнем положении означает согласиться на флирт, стать вовлеченной. Ретироваться — значит нарушить волнующую и зыбкую гармонию, придающую очарование этому моменту. Цель состоит в том, чтобы отложить мгновение принятия решения настолько, насколько это возможно. Мы знаем, что произойдет дальше; она оставит свою руку там, где она находится, но она не заметит того, что она это делает. <...> Она уводит своего спутника в самые возвышенные сферы сентиментальных рассуждений; она говорит о Жизни, о своей жизни, она показывает себя с самой существенной стороны — со стороны личности, сознательности. И в течение этого времени происходит разъединение тела и разума; рука остается инертной между теплыми руками ее спутника — ни уступающей, ни сопротивляющейся — просто вещью. Мы скажем, что эта женщина находится в состоянии непреднамеренного самообмана».

Знаменитое положение Декарта «Я мыслю — следовательно, существую», для Сартра, на мой взгляд, должно звучать так: «Я отрицаю — следовательно, я существую». Чем бы ни увлекался Сартр, через время он отречется от этого. Кажется, что принадлежать какой-либо идее, всецело и безоговорочно, для Сартра непереносимо. По его мнению, настоящим бывает лишь спонтанный протест против всякой социальности, но протест разовый, не выливающийся ни в какое организованное движение, партию и не обремененный никакой программой или уставом. Сартр словно просочился сквозь капли дождя: он был всюду, но он не был нигде. Поддерживая коммунизм в СССР, спустя несколько лет он обрушится на советскую власть, критикуя ее за введение войск в Прагу и подавление инакомыслия. Он участвует в протестах против Алжирских войн, но в отличие от студентов, которых он воодушевлял на акции протеста, он пробудет в тюрьме лишь два дня. Он выступает против подавления Венгерского восстания, Вьетнамской войны, оказывает поддержку Кубинской революции, но вскоре разочаруется в Фиделе Кастро; он заведет дружбу с Че Геварой, для того чтобы через

недолгое время отрицать и его идеи. Он откажется от Нобелевской премии лишь потому, что это совпадет с его разочарованием в идеях СССР, а премию он воспримет лишь как политический ход. Отсутствие и отрицание всякой идеи, основания, опоры становится, по сути, его главной идеей, его религией и догмой. Сартр повсеместно говорит о свободе, упуская из вида, что свобода бывает «от», а бывает свобода «для». Свобода Сартра, увы, похожа на свободу человека, который, прыгая с самолета, выкидывает парашют и гордо кричит: «Я свободен». Не попал ли он в описанный им же самообман, когда, оставаясь внешне независимым, он давно был поработан самим собой, своей идеей протеста и отрицания. Провозглашая свободу как основу человеческого бытия, он был зависим от любовных связей, от мнения людей, от желания явить себя миру и что-то ему доказать, а к концу жизни был зависимым от алкоголя и транквилизаторов. Отрекаясь от догм, он отдал себя в плен страстей.

Идол

Чтобы лучше понять мыслителя, нужно прикоснуться к его детству (ведь не зря же психологи именно там ищут истоки всех бед), благо Сартр оставил нам свой автобиографический роман о детстве «Слова».

Жан-Поль родился в 1905 году. Мать Сартра стала вдовой, едва выйдя замуж; супруг скончался от тропической лихорадки, когда сыну не было года. Молодая вдова Анн-Мари вернулась с младенцем на руках в отчий дом, превратившись то ли в прислугу, то ли в тень, то ли в дополнение к ребенку, который, по предписанию деда-филолога, должен был непременно стать великим (дед, известный филолог-германист Шарль Швейцер, основал в Париже Институт современного языка). Один из современных психотерапевтов сказал, что всю жизнь в глазах другого человека мы ищем глаза матери. В таком случае можно лишь представить, что искал он в глазах любимой женщины: «Мне совершенно ясно, что эта девственница, проживающая под надзором, в

полном подчинении у всей семьи, призвана служить моей особе. Я люблю Анн-Мари, но как мне ее уважать, когда никто ее в грош не ставит? У нас три комнаты: кабинет деда, спальня бабушки и «детская». «Дети» — это мы с матерью: оба несовершеннолетние, оба иждивенцы. Но все привилегии принадлежат мне. В мою комнату поставили девичью кровать. Девушка спит одна, пробуждение ее целомудренно: я еще не открыл глаза, а она уже мчится в ванную комнату принять душ; возвращается она совершенно одетая — как ей было меня родить? Она поверяет мне свои горести, я сострадательно выслушиваю; со временем я на ней женюсь и возьму под свою опеку. Мое слово нерушимо: я не дам ее в обиду, пушу в ход ради нее все свое юное влияние. Но неужто я стану ее слушаться?»

Есть в психологии понятие «безотцовщина», оно мало связано с наличием или отсутствием реального отца — скорее, с тем, был ли дан ребенку морально-этический закон. Мы это помним из любимого в детстве: «Крошка сын к отцу пришел, и спросила кроха: “Что такое хорошо и что такое плохо?”». С такими вопросами идут к авторитету, и ответы эти вырастают в человека. Он может после положить всю жизнь, чтобы оспаривать их, но само это оспаривание станет основой бытия. Или может унаследовать их и передать своим детям, усовершенствовать, дополнить, увековечить. Сартр был безотцовщиной. Вот что пишет он о своем отце: «Смерть Жан-Батиста сыграла величайшую роль в моей жизни: она вторично поработила мою мать, а мне предоставила свободу. <...> Останься мой отец в живых, он повис бы на мне всей своей тяжестью и раздавил бы меня. По счастью, я лишился его в младенчестве. <...> Будь у меня отец, он обеспечил бы меня бременем устойчивых предрассудков. Внедрившись в мое «я» он обратил бы свои прихоти в мои устои, свое невежество в мою эрудицию, свою ущемленность в мое самолюбие, свои причуды в мои заповеди. Мой родитель определил бы мою будущность: инженер от рождения, я не знал бы ни забот, ни хлопот. Но если Жану-Батисту Сартру была введома тайна моего предназначения, он унес ее собой в могилу; мать запомнила только, что он говорил: “Моряком моему сыну не бывать”. За неимением более точных сведений никто на свете, начиная с меня самого, не знал, на кой черт я копчу небо». И даже его даровитый дед не смог стать его законом, его (выражаясь словами Сартра) Моисеем (именно Моисей принес народу еврейскому десять заповедей). Морально-этический кодекс не коснулся сердца маленького Сартра, он так и не узнал, что же такое «хорошо» и что такое «плохо», являясь идолом-законодателем в своей семье.

Что чувствует, ребенок рождение которого удовлетворило тщеславные чаяния членов семьи и стало лекарством от собственных страхов и разочарований? «Мое “Я”, мой характер, мое имя — все было в руках взрослых, я приучился видеть себя их глазами, я был ребенком, а ребенок — это идол, которого они творят из своих разочарований», — напишет о себе Сартр. Некрасивый мальчик, он ощущал себя объектом, вещью и маской. Даже любовь деда он ставит под сомнение, понимая, что он лишь нечто, в чем нуждается старик: «И он созерцал меня: в саду, полулежа в шезлонге с кружкой пива под рукой, он глядел, как я бегаю и играю, выискивал мудрость в моей бессвязной болтовне и находил ее. Впоследствии я посмеивался над этой манией — теперь я в этом раскаиваюсь: то было предвестие смерти. С помощью экстаза Шарль пытался побороть страх. Он восхищался во мне восхитительным созданием земли, стараясь убедить себя, что все прекрасно — даже наш жалкий конец». О своей бабушке Сартр напишет так: «Она ни с кем не поддерживала отношений — слишком самолюбивая, чтобы домогаться первого места, слишком тщеславная, чтобы довольствоваться вторым. “Умейте поставить себя так, чтобы вас искали”, — твердила она. Ее искали усердно, потом все меньше и меньше и, наконец, не видя ее, забыли. Теперь она не покидала своего кресла и кровати».

Его детство было театром, где ему была отведена главная роль, лишь потому что им, словно орудием, можно было заполнять свою «дыру в душе». «Растерявшаяся тля, создание без смысла и цели, ни богу свечка, ни черту кочерга, я искал прибежища в семейной комедии, бегая, лавируя, порхая от одного обмана к другому. <...> Всеми обожаемый и никому не нужный, я оставался при пиковом интересе, в семь лет мне не на кого было надеяться, кроме как на самого себя, а меня самого еще не было — был необитаемый зеркальный дворец. Я родился, чтобы удовлетворить свою громадную потребность в самом себе. До какой-то минуты я пробавлялся тщеславием комнатной собачонки. Загнанный в тупик гордости, я сделался гордецом. Раз никто всерьез не нуждается во мне, я решил стать необходимым всему миру».

Атеизм, родившийся в душе Сартра, также неслучаен: «Бабушка была католичка, дедушка — протестант. За столом каждый из них подсмеивался над религией другого. Все было беззлобно: семейная традиция. Но ребенок судит простодушно: из этого я сделал вывод, что оба вероисповедания ничего не стоят. <...> Со мной занимались священной историей, Евангелием, катехизисом, но возможности верить не дали: это

привело к беспорядку, ставшему моим собственным порядком». Религиозно подкованный, он проникся духом вольтерианской, вольнодумной Франции, духом анархизма и свободы: «Я без всякого пылу служил кумиру фарисеев, и официальная доктрина отбила у меня охоту искать свою собственную веру... моей семье коснулся медленный процесс дехристианизации. В нашей семье все были верующими из приличия. Я нуждался в Боге, мне его дали, и я его принял, не поняв, что его-то я и искал. Не пустив корней в моем сердце, он некоторое время прозябал там, потом зачах...»

Когда взрослым важен ребенок, когда они видят в нем человека, а не просто нечто принадлежащее им лично, ребенок растет целостным: он умеет пережить боль, испытать радость, он знает, что такое сила и слабость, зависть и сочувствие, но самое главное — знает цену жизни. Когда мать овеществляет ребенка, проецируя на него лишь свои собственные ожидания, ребенку ничего не остается, как расстаться с частью себя, предав ее, забыв ее, и потом всю жизнь искать воссоединения. Стоило маленькому Жан-Полю о чем-то загрустить или начать мечтать, как «мать со смехом прижимала к груди: «Вот так новости! Да ведь ты у меня всегда весел, всегда поешь. И о чем тебе грустить? У тебя есть все, что хочешь». Она была права: балованный ребенок не грустит. Он скучает как король. Как собака» — кричит нам маленький Сартр.

* * *

В предсмертной беседе со своим секретарем он скажет следующее: «Мои сочинения неудачны. Я не сказал ни всего, что хотел, ни так, как я этого хотел. Думаю, будущее опровергнет многие мои суждения; надеюсь, некоторые из них выдержат испытание, но во всяком случае История не спеша движется к пониманию человека человеком...». А я вновь и вновь думаю над тем, что же такое свобода... Отсутствие ли границ, обязательств и правил? Освободившись «от» чего-то или кого-то, дорасту ли до того, чтобы стать свободной «для» чего-то или кого-то? Не встану ли на путь самообмана,

отдав жизнь идее, которой нет? Или посвящу себя чему-то важному? Сартр остается актуальным и сегодня, открывая нам ту пропасть, что видна свободно летящему без парашюта.